Материалы к биографии М Осоргина

Михаил Андреевич Осоргин

SHOUT
SHARE
IT

- Осоргин Михаил Андреевич
  - З. Шаховская
  - В. Яновский
  - М. Вишняк

Осоргин Михаил Андреевич
Материалы к биографии М. Осоргина

3. Шаховская
Из книги «ОТРАЖЕНИЯ»

Впервые встретилась я с ним у Ремизова и, как уже упомянула, смущенья перед ним не почувствовала. Это был какой-то «приятный» человек, держащий себя просто, безо всякой писательской ужимки. Затем встречалась с ним и в редакции «Родной земли», читала его «огородные статьи» в «Последних новостях», он там как-то лирически описывал свое сидение на земле, по которому у русского человека всегда ностальгия. И роман «Сивцев Вражек», — на этой улице я родилась, — и «Свидетель истории», все это в стиле лирического импрессионизма, а итальянские его очерки, вышедшие в книге под названьем «Там, где был счастлив», сродни воспоминаниям об этой стране Б. К. Зайцева.

Книги и статьи Осоргина русской эмиграцией читались с удовольствием — они не беспокоили ее трагической современностью, но утешали напоминанием о более светлом прошлом. И говорил Осоргин не громко, не авторитетно, с какой-то приятной теплотой. Кажется, у Ремизова услышала я его рассказ о какой-то студенческой революционной коммуне его молодости, не помню где, в деревенской глуши. Готовились сии студенты обоего пола к террористической деятельности и очень много говорили и спорили по политическим и социальным вопросам. Коммуне помогала своим житейским опытом и хозяйственными навыками приходящая прислуга-крестьянка, что уже довольно примечательно.

Однажды перед будущими террористами встала необходимость зарезать петуха для обеда. Любителей на это как-то не нашлось, пришлось метать жребий. Вытянувший его взял без энтузиазма кухонный нож и пошел ловить свою жертву. Зажмурив глаза, он нанес петуху удар — но окровавленная птица вырвалась и начала бегать по саду. С отвращением и ужасом насильники бросились ловить петуха, бледные, девушки уже в слезах. Палач уронил свой нож! И неизвестно, как бы все это окончилось, если бы не пришла в это время прислуга. С презрением посмотрев на растерявшихся террористов, баба в одну минуту поймала петуха и, свернув ему шею, прикончила его страданья.

В. Яновский
Из книги «ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ»

Совершенно равнодушно прошел я мимо некоторых признанных писателей земли эмигрантской (а теперь, пожалуй, советской).

Куприн, Шмелев, Зайцев. Они мне ничего не дали, и я им ничем не обязан.

Бориса Зайцева я все же изредка встречал. Отталкивало меня его равнодушие — хотя и писал он как будто на христианские темы. Стиль его «прозрачный» поражал своей тепловатой стерильностью. Зная немного его семейную жизнь и энергичную жену, думаю, что Борис Константинович в чем-то основном жил за чужой, Веры Александровны, счет.

В 1929 году мне было двадцать три года; в моем портфеле уже несколько лет лежала рукопись законченной повести — негде печатать!.. Вдруг в «Последних новостях» появилась заметка о новом издательстве — для поощрении молодых талантов: рукописи посылать М. А. Осоргину, на 11-бис, Сквер Порт-Руаяль.

А через несколько дней я уже сидел в кабинете Осоргина (против тюрьмы Сантэ) и обсуждал судьбу своей книги: «Колесо» ему понравилось, он только просил его «почистить». (Подразумевалось — «Колесо Революции».)

Михаил Андреевич тогда выглядел совсем молодым, а было ему, вероятно, уже за пятьдесят. Светлый, с русыми, гладкими волосами шведа или помора, это был один из не многих русских джентльменов в Париже… Как это объяснить, что среди нас было так мало порядочных людей? Умных и талантливых — хоть отбавляй! Старая Русь, новый Союз, эмиграция переполнены выдающимися личностями. А вот приличных, воспитанных душ мало.

Мы с Осоргиным играли в шахматы. По старой привычке он при этом напевал арию из «Евгения Онегина»: «Куда, куда, куда вы удалились?»… Играл он с энтузиазмом.

Чтобы достать шахматы с верхней книжной полки, Осоргину приходилось с усилием вытянуться, хотя по европейским понятиям был он роста выше среднего; его молодая жена, Бакунина, тогда неизменно восклицала:

— Нет, Михаил Андреич, этого я не хочу, чтобы вы делали! Скажите мне, и я достану.

А я, к удивлению своему, замечал, что дыхание этого моложавого, светлоглазого «викинга» после любого резкого

движения сразу становится трудным, а лицо бледнеет.

Работал он много и тяжело. Так же как Алданов, Осоргин любил подчеркнуть, что никогда не получал субсидий и подачек от общественных организаций. Ему приходилось писать два подвала в неделю для «Последних новостей». Даже фельетоны его и очерки свидетельствовали о подлинной культуре языка.

М. Вишняк
Из книги «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ. ВОСПОМИНАНИЯ РЕДАКТОРА»

Почти все члены редакции «Современных записок» знали Михаила Андреевича Ильина-Осоргина еще по Москве дореволюционного времени. Привлекательный блондин, стройный, изящный, жизнерадостный и остроумный, он любил посмеяться негорьким смехом — над другими и над собой. Он был «душой общества», отличным товарищем, центром притяжения молодежи и женщин. Юрист по образованию, он отрицал государство и не слишком увлекался правом, принадлежал к типу «вечного студента» и «богемы», хотя был всегда опрятен, на письменном столе любил порядок, чистоту, даже комфорт, цветы, растения, — любил и свой огород.

Осоргин был бессребреник — не только в той мере, в какой бескорыстны многие русские интеллигенты. Он был чужд стяжательства и совершенно равнодушен к деньгам. Когда его «Сивцев Вражек» был принят для распространения американским клубом «Книга месяца», Осоргин разбогател, по эмигрантскому масштабу. Но ненадолго. Он любому просителю давал «безвозвратную ссуду» под одним условием, — чтобы тот обещал в свою очередь помочь ближнему, когда представится возможность.

Писательская карьера Осоргина была сделана в «Русских ведомостях» и «Вестнике Европы». Его корреспонденции из довоенной Италии по содержанию и форме служили политическому воспитанию русского читателя так же, как корреспонденции Иоллоса из Германии, Дионео из Англии, Кудрина из Франции. В «Вестнике Европы» появлялись время от времени полубеллетристические произведения Осоргина. Беллетристом его сделала эмиграция, — точнее, он сделался им в эмиграции. Не все признавали художественные достоинства его произведений. Но мало кто отрицал его дар живого изложения и превосходный язык.

…Слабым местом Осоргина была политика. Всю сознательную жизнь в России он занимался политикой, а в эмиграции стал от нее отталкиваться и осуждать «в принципе». В наши молодые годы Фондаминский, Руднев и я знали Осоргина как эсера и сочувствовавшего эсерам. Он предоставлял свою квартиру для так называемых «явок» или встреч нелегальных

революционеров, для собрания эсеровского комитета в Москве, для укрытия террориста Куликовского. Осоргин был всегда вольнодумцем, «вольтерианцем», «левым», «нонконформистом». В эмиграции он самоопределился, как идейный анархист, «анархически» не примыкавший к анархическим организациям.

…Осоргин всегда предпочитал быть сам по себе, со своим особым подходом к вещам и идеям. Он любил играть в шахматы, но презирал, — по крайней мере, публично так заявлял, — логику, таблицу умножения, цивилизацию. И больше всего боялся, несмотря на все мужество, хоть в чем-либо совпасть с «эмигрантским хором». Он пробыл 7 лет в первой, царского времени, эмиграции и, попав во вторую, послебольшевистскую, стал всячески от нее отталкиваться. Не пропускал случая подчеркнуть, что он — не эмигрант, добровольно покинувший отечество, а насильственно выслан из России. Осоргин дорожил советским паспортом и бережно его хранил, защищал необходимость международного признания советской власти и оспаривал противопоставление Советской России — России. […] Оправдывая прекращение борьбы с советской деспотией, как «совершенно бесцельной и даже беспредметной», Осоргин говорил о пореволюционной России тем же языком, каким его политический «антипод» Шмелев говорил о России предреволюционной и царской…В итоге пережитого за первую половину мировой войны жизнерадостный М. А. Осоргин пришел, как известно, к самым отчаянным выводам о смысле человеческой деятельности. За год с небольшим до смерти, он умер 27 ноября 1942 г., М. А. писал (15 августа 1941 г.): «Умираю — непримиренный, так как не приемлю правды, вышедшей из неправды, истины — из лжи, света — из тьмы! Нет счастья, которое было бы порождено кровью, убийством, злодейством! Нет благородства, матерью которого была бы подлость!» И еще безнадежнее годом позже, 14 августа 1942 г.: «…что будет с Европой, Россией, Францией, человечеством, во мне нет живого интереса. Двуногое в массе, так заполонившее и загрязнившее землю, мне противно: не стоило строить свою жизнь на идеях счастья человечества… народ, страна, формы социальной жизни — все это выдумки. Я люблю природу, Россию, но „родины“ и проч. не вижу, не знаю, не признаю… И Европа вздор — с ее „культурой“. Умирая, не жалею ни ее народов, ни своего, ни культуры, ни разбитых идей. Успел… постигнуть не только нищету философии, но и позор ее нищеты»…